

Ф и л о с о ф и я

УДК 167

И.Ю. Куляскина

ФАКТ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ КАК ПРЕДМЕТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена выявлению специфики природы факта и его существования в социально-гуманитарных науках, включая его отношения с другими фактами, с одной стороны, и теорией – с другой, с точки зрения современной методологии.

Ключевые слова: научный факт, текст, интерпретация, ценностное отношение, научная теория, методология.

FACT IN SOCIAL-HUMANITARIAN COGNITION AS A SUBJECT OF METODOLOGICAL ANALYSIS

The article is devoted to revelation of specific character of fact and its existence in social science and the humanities, including its relation with other facts, on the one hand, and theory, on the other hand, from the point of view of modern methodology.

Key words: scientific fact, text, interpretation, value attitude, scientific theory, methodology.

Актуальность проблемы обусловлена ролью факта как эмпирической основы научного знания. Специфичность объекта, предмета, а следовательно и метода социально-гуманитарного познания, сегодня не нуждается в доказательстве. Тем не менее ряд вопросов методологии социально-гуманитарных наук требует уточнения. Прежде всего это вопросы специфики «существования» факта в социально-гуманитарном познании, а также его отношений, с одной стороны, с другими фактами, а с другой, – с теорией.

При написании статьи автором использовались некоторые идеи и понятийная база проблемы, предложенные Е.В. Ушаковым [1]. Но если упомянутый автор исследовал преимущественно статус и логические свойства факта в естествознании, то в настоящей статье сделана попытка осуществить аналогичный анализ применительно к фактам социально-гуманитарных наук.

Начнем с определения факта. Ушаков различает «факт как нечто реально существующее», «факт как логическую форму, т.е. фактуальное суждение» и «научный факт как форму научного знания» [1, с.198]. Факт в первом из указанных значений выступает синонимом реальности вообще. Иначе говоря, здесь имеет место онтологизация факта, когда ему приписывается статус объективной реальности. Такое понимание получило распространение не только в обыденном сознании, но и в некоторых специализированных сферах, – например, в юриспруденции.

Представление о неизменности факта как следствия его объективной онтологической природы утверждалось и в методологии неопозитивизма, согласно которой фактуальные суждения должны быть выполнены в форме «протокольных высказываний», т.е. без использования абстрактных (теоретических) понятий. По мнению неопозитивистов, это необходимо, чтобы обеспечить им абсолютную инвариантность и теоретическую нейтральность. Предполагалось, что только в таком случае они (факты) могут успешно выполнять функцию эмпирической базы научной теории. Однако подобный подход обнаружил свою несостоятельность, которая проявилась, в частности, в том, что даже в самых простых – «протокольных» – суждениях содержатся теоретические компоненты.

Ушаков предложил понимать под фактом науки «не просто срез реальности самой по себе, а нечто принципиально *соотнесенное с научным контекстом*, осмысленное в нем», т.е. считать его «особого рода конструктом» [См.: 1, с.198-199].

В качестве конструкта факт характеризуется следующими чертами. Во-первых, это методологическая контролируемость. Требование «правильного метода» научного познания выдвинул еще Р. Декарт. В современной философии науки оно означает, что факт может быть признан научным только в том случае, если получен приемлемым с точки зрения научной методологии способом. Не вызывает сомнения, что это требование одинаково обязательно как для естественных, так и для социально-гуманитарных наук.

Во-вторых, это теоретическая значимость факта. Иначе говоря, факт должен иметь теоретический смысл и интерес для исследователей. Однако интерес имеет ценностную природу, а значит, он не подчиняется логике. Кроме того, интерес, хотя и имеет в естествознании и в обществознании одинаковую онтологическую – ценностную – природу, существенно различается по своему характеру. Если для естествоиспытателя представление о значимости того или иного явления определяется его приверженностью соответствующей картине мира, то ученые-обществоведы, стоящие на разных мировоззренческих позициях, отдельным событиям и обстоятельствам могут приписывать решающее значение, или оно может совсем отрицаться. Например, болезнь цесаревича Алексея как фактор падения самодержавия в России в 1917 г. или насморк у Наполеона Бонапарта в день битвы у Ватерлоо, который, по мнению некоторых исследователей, явился причиной поражения.

Кроме того, одни и те же события могут иметь не просто разное значение, но и разный – вплоть до противоположного – *смысл*. Здесь мы сталкиваемся, пожалуй, с главным отличием факта социально-гуманитарных наук – это его смысловая нагруженность, которая практически отсутствует в естествознании.

Рассмотрим это свойство факта социально-гуманитарного познания на примере так называемого «пакта Молотова – Риббентропа». В западной историографии Второй мировой войны соглашение между СССР и гитлеровской Германией трактуется как «сговор» между двумя тоталитарными державами, направленный против западной демократии. В отечественной историографии он трактуется как вынужденная со стороны Советского Союза мера, к которой он прибег после того, как западные державы отказались от предложений по созданию системы коллективной безопасности. Короткий период времени (90-е гг., период увлечения нашим обществом либеральными идеями) трактовка Пакта как предательского акта по отношению к демократической Европе получила распространение и в отечественной литературе, – правда, как правило, в СМИ.

В качестве третьей черты, обязательной для научного факта, Ушаков называет его онтологическую универсальность, которая выступает в двух формах. Он *типичен* и «*экстраполируем* на неограниченную совокупность тождественных, однородных, *изоморфных* случаев» [1, с.199]. Эта сторона онтологической универсальности факта вряд ли может быть применена к социально-гуманитарным наукам, поскольку факты здесь, как правило, уникальны, неповторимы, и, тем более, их нельзя

воспроизвести по воле исследователя. Однако другая сторона требования онтологической универсальности состоит в том, что факт, «отобранный наукой из непрерывного «потока» окружающей нас действительности, не замкнут в своем единичном содержании, которое всегда связано с бесчисленным количеством сопутствующих случайностей и несущественных индивидуальных подробностей. Научный факт *репрезентативен* в том смысле, что он репрезентирует всегда больше, чем содержится в непосредственном единичном наблюдении или испытании» [1, с.198-199]. И эта часть характеристики в полной мере может быть применена к научному факту в социально-гуманитарном познании.

Известно, что современная (постнеклассическая) методология как естественных, так и социально-гуманитарных наук допускает вариативность интерпретации факта разными теориями, хотя внутри одной теории факт должен быть инвариантным – таково его логическое свойство. Но степень расхождений в трактовке факта в обществознании существенно превосходит степень различия в истолковании факта в естествознании. Это связано не только с ценностной природой социально-гуманитарного знания, но и с его текстовой природой.

Большое значение с точки зрения методологического подхода имеет установление места факта в научном познании. В естествознании факт – одновременно и результат научного познания, и исходное основание для теоретической деятельности. А чем он является в обществознании? Очевидно, что простора для интерпретации факта, который здесь чаще всего выступает в форме события, неизмеримо больше, чем в естествознании. Возьмем в качестве примера события августа 1991 г., известные под названием ГК ЧП. Трактовка их сразу после их завершения как «путча» не вызвала сомнений в правильности такого определения у большинства населения страны. Спустя четверть века их стали трактовать как отчаянную попытку сохранить Советский Союз, что соответствовало воле народа, высказанной на референдуме. Известно, что «историю пишут победители». Вероятно, мы имеем дело именно с таким случаем. Однако задачей настоящей статьи является не установление «исторической правды» и не вынесение окончательной оценки каких-либо конкретных событий, а выявление допустимой степени изменчивости в интерпретации факта социально-гуманитарных наук. Наличие подобных трансформаций вызывает беспокойство, так как грозит скатыванием к релятивизму и утверждением принципа «чья власть, того и правда». Препятствием на этом пути должно стать четкое осознание того, что факт не только существует в контексте теории, но и сам способен повлиять на формирование теории.

С другой стороны, теории, в рамках которых происходит интерпретация фактов, неравнозначны по своему уровню. Как пишет Ушаков, исходная теория «может подавать базисные факты для дальнейшего объяснения более высоким уровнем, но другая может оценивать их и обесценивать, например, как несущественные или отбрасывать как ошибочные, лишая их самого фактуального статуса» [1, с.203].

Кроме того, факт существует в рамках теории наряду с другими фактами, и отношения между ними могут быть самыми разнообразными. Возникают целые иерархии фактов, и единичные примеры, привлекаемые для описания событий в качестве фактов, могут «погашаться» примерами массовых поступков. Так, в западной историографии (и у некоторых отечественных авторов) поведение советских солдат на территории поверженной Германии, особенно в Берлине, описывается в самых черных тонах: это и мародерство, и насилие, и жестокость по отношению к мирному населению. Как это, например, имеет место в книге «История России. XX век: 1939-2007» (выпущена издательством «Астрель», а генеральным директором проекта и ответственным редактором выступил доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) А.Б. Зубов). В этом сочинении обращает на себя внимание подбор фактов. Трудно сказать, что стало причиной преобладания негативных примеров поведения советских людей в годы Великой Отечественной войны: то ли желание ввести в научный оборот но-

вые документы и материалы, включая мемуары, то ли определенные идеологические установки. Но как бы то ни было, в своей совокупности эти факты, изъятые из более широкой совокупности фактов, представляют борьбу советского народа с нацизмом, борьбу за освобождение Родины в довольно неприглядном свете. При этом в аннотации указывается, что «книга возвращает русской истории человека и исторический факт, из безличного описания «объективных процессов» и «движущих сил» вновь делает историю личностной и фактической» [2, аннотация]. Создается впечатление, что большой коллектив ученых «из России и многих стран мира», который, как указано в аннотации, поставил перед собой «совершенно определенную задачу – рассказать правду о жизни и путях народов России в XX веке», если не страдает идеологической ангажированностью, то, как минимум, не имеет представления о методологии использования факта в историческом научном исследовании.

Однако не менее важным является специфичность самого существования факта в общественности. В естествознании факт, независимо от того, представлен он в вербальной или невербальной (формула, график и т.п.) форме, выступает в форме *описания* явления или *фиксации* устойчивых существенных связей между элементами окружающей действительности. Тогда как в факте социально-гуманитарного познания главным является выявление *смысла* описываемого. Это обстоятельство предъявляет особые требования к методологическому обоснованию фактов общественности, в частности к так называемым свидетельствам очевидцев. Любопытный пример личной честности, но научной недостоверности представляет свидетельство некоторых рядовых участников исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 г., которые утверждали, что в параде принимали участие воинские части, прибывшие из Сибири. Между тем в действительности этого не было. Просто некоторые части, принимавшие участие в параде, получили новое обмундирование – белые овчинные полушубки. Приведенный пример с достаточной очевидностью демонстрирует, что исследователь, прежде чем ссылаться на свидетельство очевидцев, должен проверить, насколько оно соответствует другим свидетельствам.

Кроме того, разные «свидетели»-очевидцы вкладывают свой собственный смысл в описание происходящего. Достаточно сравнить описание ситуации в России между Февральской и Октябрьской революциями такими двумя авторами как американский журналист Джон Рид, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир», и русский писатель И. Бунин, написавший «Окаянные дни».

Очевидно, что никакой свидетель и даже участник события не способен дать объективной характеристики социально-культурного события или явления. Но не может оставаться «нейтральным» и сам исследователь; происходит это в силу ценностно-смысловой природы социально-гуманитарного знания, которое фиксирует ценностное отношение к исторической и культурно-социальной действительности всех его участников. Это касается и свидетельств очевидцев, выступающих в качестве источников исследования, и ценностных ориентаций исследователя, и ценностных позиций читателей, которые могут принять, но могут и не принять предлагаемые им интерпретации фактов и сделанные на их основе теоретические выводы.

Любимая шутка российских журналистов 90-х гг., когда шел активный процесс переосмысления отечественной истории, о том, что СССР – единственная страна с непредсказуемым прошлым, что называется «попали пальцем в небо». История социально-гуманитарных наук свидетельствует, что пересмотр и переосмысление прошлого – это обязательный этап в развитии самосознания любого общества. И пересмотр и, соответственно, переоценка событий, процессов, других социально-культурных и исторических феноменов свойственны историографии любой страны.

Еще одно качественное отличие естественно-научного факта от факта социально-гуманитарных наук состоит в принципиально текстовой природе *объекта* социально-гуманитарного знания. О социальных процессах и исторических событиях исследователь может узнать только из текстов раз-

личной природы: документов, материалов, публиковавшихся в средствах массовой информации, мемуаров, частной переписки, дневников и т.п. Это в гораздо большей степени по сравнению с естествознанием актуализирует задачу критики источников научного исследования.

К сожалению, приходится признать, что различное истолкование разными исследователями одних и тех же письменных источников является следствием не только сложностей, связанных с аутентичным истолкованием тех смыслов, которые в них вкладывал автор, а также с необходимостью реконструкции культурного контекста создания исследуемого текста, но и с идеологической ангажированностью самих исследователей. Предвзятость всегда имела место в научных изысканиях, поскольку их ведет реальный человек, а не «трансцендентальный субъект». И вся история науки – это в значительной мере история ошибок, заблуждений и их преодолений. Но социально-гуманитарное знание в силу того, что его факты часто единичны и уникальны, чревато соблазном для исследователя «подогнать» фактологический базис под «нужную» концепцию. Тем более, что воспроизвести культурно-исторический или социальный факт, в отличие от факта естественно-научного, невозможно.

И здесь на первый план выходит научная добросовестность самого исследователя, то, что М. Вебер называл это интеллектуальной честностью.

Таким образом, на факт социально-гуманитарных наук оказывает влияние целый ряд факторов. Прежде всего это теоретический контекст, вне которого факт не может считаться научным. Во-вторых, это место и роль единичного факта в фактуальном (эмпирическом) базисе научного исследования, объем и содержание которого определяются не просто мировоззренческими, а ценностными позициями исследователя в несравнимо большей степени, чем в естественных науках. И, наконец, это текстовая природа самого объекта социально-гуманитарного познания, с необходимостью предполагающая его *интерпретацию*. Все это отличает факт общественнознания от факта наук о природе.

Вместе с тем необходимо признать то общее, что есть у естественно-научного факта и факта социально-гуманитарных наук. Любой научный факт, в отличие от факта обыденного сознания, не может иметь *фактуального статуса* вне теории; он получает признание научного сообщества всегда только в каком-либо теоретическом контексте и в результате сложных внутритеоретических и межтеоретических проверок.

---

1. Ушаков, Е.В. Введение в философию и методологию науки. Учебник. – М.: Изд-во «Экзамен», 2005. – 528 с.

2. История России. XX век: 1939-2007/ под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель; АСТ, 2011. – 847 с.